

Сказка Туве Янссон " В конце ноября " Глава 14

Само собой разумеется, что ни в маминой, ни в папиной комнатах никто не спал. Окно маминой комнаты выходило на восток, потому что она очень любила утро, а папина комната была обращена на запад – он любил помечтать, глядя на вечернее небо.

Однажды в сумерках хемуль прокрался в папину комнату и почтительно остановился в дверях. Это было небольшое помещение со скошенным потолком – прекрасное место для уединения. Голубые стены комнаты украшали ветки странной формы, на одной стене висел календарь с изображением разбитого корабля, а над кроватью была помещена дощечка с надписью: "Хайг. Виски". На комод лежали забавные камешки, золотой слиток и множество всяких мелочей, которые оставляешь, если собираешься в дорогу. Под зеркалом стояла модель маяка с остроконечной крышей, маленькой деревянной дверью и оградой из латунных гвоздей под фонарем. Тут был даже переносной трап, который Муми-папа сделал из медной проволоки. В каждое окошечко он вклеил серебряную бумажку.

Хемуль внимательно разглядывал все это, и все попытки вспомнить Муми-папу были напрасными. Тогда хемуль подошел к окну и поглядел на сад. Ракушки, окаймлявшие мертвые клумбы, светились в сумерках, а небо на западе пожелтело. Большой клен на фоне золотого неба был черный, будто из сажи. Хемулю представлялась такая же картина в осенних сумерках, что и Муми-папе.

И тут же хемуль понял, что ему надо делать. Он построит для папы дом на большом клене! Он засмеялся от радости. Ну конечно же – дом на дереве! Высоко над землей, где будет привольно и романтично, между мощными черными ветвями, подальше от всех. На крышу он поставит сигнальный фонарь на случай шторма. В этом домике они с папой будут сидеть вдвоем, слушать, как зюйд-вест колотится в стены, и беседовать обо всем на свете, наконец-то бе-се-до-вать. Хемуль выбежал в сени и закричал: "Хомса!"

Хомса тотчас вышел из чулана.

– Когда хотят сделать что-то толковое, – пояснил хемуль, – то всегда один строит, другой носит доски, один забивает новые гвозди, а другой вытаскивает старые. Понятно?

Хомса молча смотрел на него. Он знал, что именно ему отведена роль "другого".

В дровяном сарае лежали старые доски и рейки, которые семья муми-троллей собирала на берегу. Хомса начал вытаскивать гвозди. Посеревшее от времени дерево было плотное и твердое, ржавые гвозди крепко сидели в нем. Из сарая хемуль пошел к клену, задрал морду вверх и стал думать.

А хомса не разгибая спины продолжал вытаскивать гвозди. Солнечный закат стал желтый, как огонь, а потом стал темнеть. Хомса рассказывал сам себе про зверька. Он рассказывал все лучше и лучше, теперь уже не словами, а картинками. Слова опасны, а зверек приблизился к очень важному моменту своего развития – он начал изменять свой вид, преобразаться. Он уже больше не прятался, он оглядывал все вокруг и прислушивался. Он полз по лесной опушке, очень настороженный, но вовсе не испуганный...

– Тебе нравится вытаскивать гвозди? – спросила Мюмла за его спиной. Она сидела на чурбане для колки дров.

– Что? – спросил хомса.

– Тебе не нравится вытаскивать гвозди, а ты все же делаешь это. Почему?

Хомса смотрел на нее и молчал. От Мюмлы пахло мятой.

– И хемуль тебе не нравится, – продолжала она.

– Разве? – возразил хомса и тут же стал думать, нравится ему хемуль или нет.

А Мюмла спрыгнула с чурбана и ушла. Сумерки быстро сгущались, над рекой поднялся туман. Стало очень холодно.

– Открой! – закричала Мюмла у кухонного окна. – Я хочу погреться в твоей кухне!

В первый раз Филифьонке сказали "в твоей кухне", и она тут же открыла дверь.

– Можешь посидеть на моей кровати, – разрешила она, – только смотри, не изомни покрывало.

Мюмла свернулась в клубок на постели, втиснутой между плитой и мойкой, а Филифьонка нашла мешочек с хлебными корочками, которые семья муми-троллей высушила для птиц, и стала готовить завтрак. В кухне было тепло, в плите потрескивали дрова, и огонь бросал на потолок пляшущие тени.

– Теперь здесь почти так же, как раньше, – сказала Мюмла задумчиво.

– Ты хочешь сказать, как при Муми-маме? – неосторожно уточнила Филифьонка.

– Вовсе нет, – ответила Мюмла, – это я про плиту.

Филифьонка продолжала возиться с завтраком. Она ходила по кухне взад и вперед, стуча каблуками. На душе у нее вдруг стало тревожно.

– А как было при Муми-маме?

– Мама обычно посвистывала, когда готовила, – сказала Мюмла. – Порядка особого не было. Иной раз они брали еду с собой и уезжали куда-нибудь. А иногда и вовсе ничего не ели. – Мюмла закрыла голову лапой и приготовилась спать.

– Уж я, поди, знаю маму гораздо лучше, чем ты, – отрезала Филифьонка.

Она смазала форму растительным маслом, плеснула туда остатки вчерашнего супа и незаметно сунула несколько сильно переваренных картофелин. Волнение закипало в ней все сильнее и сильнее. Под конец она подскочила к спящей Мюмле и закричала:

– Если бы ты знала, что мне известно, ты не спала бы без задних лап!

Мюмла проснулась и молча уставилась на Филифьонку.

– Ты ничего не знаешь! – зашептала Филифьонка с остервенением. – Не знаешь, кто вырвался на свободу в этой долине. Ужасные существа выползли из платяного шкафа, расплозились во все стороны. И теперь они притаились повсюду!

Мюмла села на постели и спросила:

– Значит, поэтому ты налепила липкую бумагу на сапоги? – Она зевнула, потерла мордочку и направилась к двери. В дверях она обернулась: – Не стоит волноваться. В мире нет ничего страшнее нас самих.

– Она не в духе? – спросил Мюмлу Онкельскрут в гостиной.

– Она боится, – ответила Мюмла и поднялась по лестнице. – Она боится чего-то, что спрятано в шкафу.

За окном теперь было совсем темно. Все обитатели дома с наступлением темноты ложились спать и спали очень долго, все дольше и дольше, потому что ночи становились длиннее и длиннее. Хомса Тофт выскользнул откуда-то как тень и промямлил:

– Спокойной ночи.

Хемуль лежал, повернувшись мордой к стене. Он решил построить купол над папиной беседкой. Его можно выкрасить в зеленый цвет, а можно даже нарисовать золотые звезды. У мамы в комод обычно хранилось сусальное золото, а в сарае он видел бутылку с бронзовой краской.

Когда все уснули, Онкельскрут поднялся со свечой наверх. Он остановился у большого платяного шкафа и прошептал:

– Ты здесь? Я знаю, что ты здесь, – и очень осторожно потянул дверцу. Она вдруг неожиданно распахнулась. На ее внутренней стороне было зеркало.

Маленькое пламя свечи слабо освещало темную прихожую, но Онкельскрут ясно и отчетливо увидел перед собой предка. В руках у него была палка, на голове шляпа, и выглядел он ужасно неправдоподобно. Пижама была ему слишком длинна, на ногах гамаши. Он был без очков. Онкельскрут сделал шаг назад, и предок сделал то же самое.

– Вот как, стало быть ты не живешь больше в печке, – сказал Онкельскрут. – Сколько тебе лет? Ты никогда не носишь очки?

Он был очень взволнован и стучал палкой по полу в такт каждому слову. Предок делал то же самое, но ничего не отвечал.

"Он глухой, – догадался Онкельскрут, – глухой как пень. Старая развалина! Но во всяком случае приятно встретиться с тем, кто понимает, каково чувствовать себя старым".

Он долго стоял и смотрел на предка. Под конец он приподнял шляпу и поклонился. Предок сделал то же самое. Они расстались со взаимным уважением.